темпоральный фактор моральной удачи

temporal factor of moral luck

Алексей Кардаш, независимый исследователь.

Иллюстрация Сергея Елисеева.

Alexei Kardash, independent researcher.

Illustrated by Sergey Eliseev.

Статья посвящена исследованию темпоральных факторов моральной удачи. Автор демонстрирует, что есть такие случаи, когда изменения в морали могут быть фактором, образующим моральную удачу. В качестве иллюстрации анализируется пример, связанный с изменением представлений о морально допустимом и о необходимых основаниях для приписывания моральной ответственности. Делается вывод о том, что результирующей удаче сопутствует темпоральный фактор, ведь важен не только результат, но и то, как изменилась его моральная оценка к моменту, когда он был достигнут.

The article explores the question of temporal factors of moral luck. The author demonstrates that there are cases where changes in morality can be a factor leading to moral luck. As an illustration, an example is analyzed related to a change in ideas about the morally acceptable and about the necessary grounds for holding one morally responsible. It is concluded that the resultant luck is accompanied by a temporal factor, because not only the result is important, but also how its moral assessment has changed by the time it was achieved.

Ключевые слова: моральная удача, результирующая удача, время, моральная ответственность, темпоральный фактор, темпоральная последовательность.

Keywords: moral luck, resultant luck, time, moral responsibility, temporal factor, temporal order.

УДК: 17.01

DOI 10.24412/2587-9308-2020-15-151-162

Когда в 2018-м году студия Disney сместила Джеймса Ганна с поста режиссера фильма «Стражи галактики 2», многих людей удивила причина увольнения, сама мера наказания и то, как вообще все произошло. Дело было так. В июле 2018 года несколько правых активистов вспомнили в твиттере о том, что в 2009–2011 году Ганн регулярно публиковал в своем микроблоге весьма рискованные шутки, среди прочего — на тему педофилии и сексуального насилия над детьми. Режиссер был накрыт волной морального осуждения, которое к тому же имело двоякий характер: с одной стороны, речь шла о недопустимости подобного аморального юмора, с другой, со ссылкой на закон По, говорящий о невозможности отличить в интернете ироническое высказывание радикальных убеждений от искреннего, осуждалась и предполагаемая педофилия Ганна.

Реакция режиссера не заставила себя ждать: он удалил свои старые публикации и принес извинения. Тем не менее тему подхватили СМИ, и через некоторое время Джеймс был уволен со студии Disney за то, что 8 лет назад писал неподобающие шутки.

Некоторые считали увольнение справедливым, но можно было встретить и противоположное мнение. Один из вариантов защиты Ганна, апеллировал к удаче.

Речь шла о том, что режиссеру не повезло в нескольких смыслах. В том, что, опубликовав почти десять лет назад шутки на тему педофилии, он впоследствие начал работать на компанию, которая занимается сферой развлечений для детей. И в том, что все это вскрылось на волне разоблачения аморальных поступков голливудских знаменитостей со стороны активистов, действия которых тогда широко освещали американские СМИ, так что, если бы еще лет 5 назад Disney, вероятно, проигнорировал бы эти твиты, то к текущему моменту обстоятельства изменились таким образом, что пиар-отделы компаний оказались более чувствительны к подобным моральным обвинениям.

В такой защите содержится интуиция о том, что для твиттера 2009–2011 годов аморальные шутки Ганна в целом были уместными, но за короткий промежуток времени отношение к ним изменилось так, что они стали неуместными не только для пользователей социальной сети, но и для работодателя режиссера и широкой интернет-общественности. Таким образом, Ганну не повезло в том, что представления о морали и ответственности компаний изменились так, что Disney оказался чуток к сообщениям в социальных сетях и медиа о том, что Джеймс шутил «по-педофильски».

Что характерно, уже к 2019-му году Disney вновь возобновил сотрудничество с Ганном: очевидно, полный разрыв отношений, показавшийся компании здравой мерой воздействия изначально, уже спустя 9 месяцев перестал казаться ей таковой. Активисты, которые в 2018-м напомнили всем о старых шутках Ганна, посчитали, что подобное поведение Disney эквивалентно оправданию «педофильских твитов», но на этот раз общественность и медиа не были чуткими к этому моральному обвинению. Хотя и в этом случае можно было услышать мнение, что в случившемся серьезную роль сыграла удача: в этот раз в том смысле, что режиссеру повезло, что его не подвергли более длительному осуждению или пожизненному остракизму.

Кейс Ганна интересен тем, что позволяет обратить внимание на возможную взаимосвязь между тремя вещами: моралью, удачей и временем.

О связи первых двух говорят теории моральной удачи Бернарда Уильямса и Томаса Нагеля [Williams and Nagel 1976; Нагель 2008]. Некоторые теоретики также связывают первый элемент (мораль) с третьим (временем): например, понимая саму мораль как меняющееся со временем явление или даже постулируя само время как морально релевантный фактор [Bykvist 2013]. Однако все три этих элемента вместе почти не обсуждаются.

В стандартных рассуждениях о моральной удаче временно́й фактор обычно не тематизируется: ситуации, описываемые в этих рассуждениях, как правило, происходят на фоне неизменной морали. Отчасти это можно считать чисто техническим обстоятельством, связанным с задачами теоретиков моральной удачи, которым для иллюстрации своих идей при описании того или иного случая нужна подобная условность. Однако в то же время не исключено, что подобному тому, как сама этика долгое время была слепа к фактору удачи, теория моральной удачи также оказалась невнимательна ко временны́м факторам скорее по привычке и

в силу инерции мышления.

Исследованию вопроса о возможности темпоральных факторов моральной удачи и будет посвящена эта статья. Я хочу показать, что есть такие случаи, когда происходящие со временем изменения в морали могут быть фактором, конституирующим случаи моральной удачи. В качестве иллюстрации я рассмотрю примеры, связанные с изменением представлений о морально допустимом со временем.

К МОРАЛЬНОЙ УДАЧЕ

Прежде всего стоит взглянуть на классические представления о моральной удаче. Это необходимо для обозначения теоретических координат, в рамках которых можно будет понять, возможна ли моральная удача, завязанная на временно́м факторе, т.е. на изменениях в морали, и в частности — на изменениях в представлениях о морально допустимом.

Долгое время считалось, что этика независима от влияния удачи. Отчасти это было связано с тем, что последняя понималась как фортуна, то есть была отягощена мистическими коннотациями. Одной из центральных тем этических изысканий удача стала только в XX веке, а взрывной рост публикаций по этой теме начался лишь с 1976 года [Latus 2019].

Начало современной дискуссии было положено одноименной статьей Уильямса, в которой он развивал идеи моральной удачи в противовес кантианской этике [Williams and Nagel 1976]. Помимо работ Канта аргументы против влияния удачи на этику содержатся, например, в этике добродетели Аристотеля [Athanassoulis 2005, 73] и в моральных воззрениях Сократа и стоиков [Devettere 2002, 41]. Все это позволяет теоретикам моральной удачи говорить о стремлении традиционной этики обосновать иммунитет моральной жизни к удаче [Williams and Nagel 1976].

Сам вопрос о том, что является удачей, — это отдельная подтема, имеющая свои нюансы. В рамках этой статьи я буду придерживаться понимания удачи как явления, рождающегося из недостатка контроля агента над ситуацией [Broncano-Berrocal 2015, 24], то есть работать в рамках интуиций, сформулированных Томасом Нагелем:

> Там, где важный аспект человеческого действия зависит от неконтролируемых им факторов, а мы продолжаем воспринимать его в этом отношении как объект морального суждения, можно говорить о моральной удаче и неудаче. [Нагель 2008, 176]

В самом общем виде случай моральной удачи — это ситуация, когда удача (то есть факторы, не зависящие от контроля агента над ситуацией) имеет моральное значение [Latus 2019].

Задача Уильямса, введшего термин «моральная удача» в оборот, в соответствующей статье во многом состояла в обосновании принципиальной чувствительности моральной жизни к удаче. Он обращает внимание на изменения субъективной моральной оценки своих действий человеком под влиянием удачи [Черняк 2009, 157]. К примеру, если Гоген принимает решение бросить семью, чтобы стать великим художником, то, по Уильямсу, результат его моральной рефлексии по поводу того, был ли его поступок правильным, будет зависеть в том числе от успеха этого жизненного проекта (т.е. от того, удалось ли ему стать великим художником), который, в свою очередь, зависит не только от его собственных усилий, но и от неподконтрольных ему факторов.

Томас Нагель в ответе Уильямсу, в свою очередь, критикует подобное понимание удачи как имеющей моральное измерение: «Мое разногласие с Вильямсом состоит в том, что его подход не может объяснить, почему такие ретроспективные установки можно называть моральными. Если успех не позволяет Гогену оправдаться перед другими, но при этом определяет его наиболее фундаментальные чувства, это лишь показывает, что наиболее фундаментальные чувства не обязаны быть моральными» [Нагель 2008, 178]. Однако он соглашается с тем, что удача должна играть важную роль в моральной оценке поступков. Нагель выделяет 4 вида такой моральной удачи: результирующую (удачу результата), удачу обстоятельств, конститутивную удачу и удачу причин. При этом стоит заметить, что Нагель не предлагает готовых решений проблем моральной удачи и открыто указывает на ряд спорных моментов

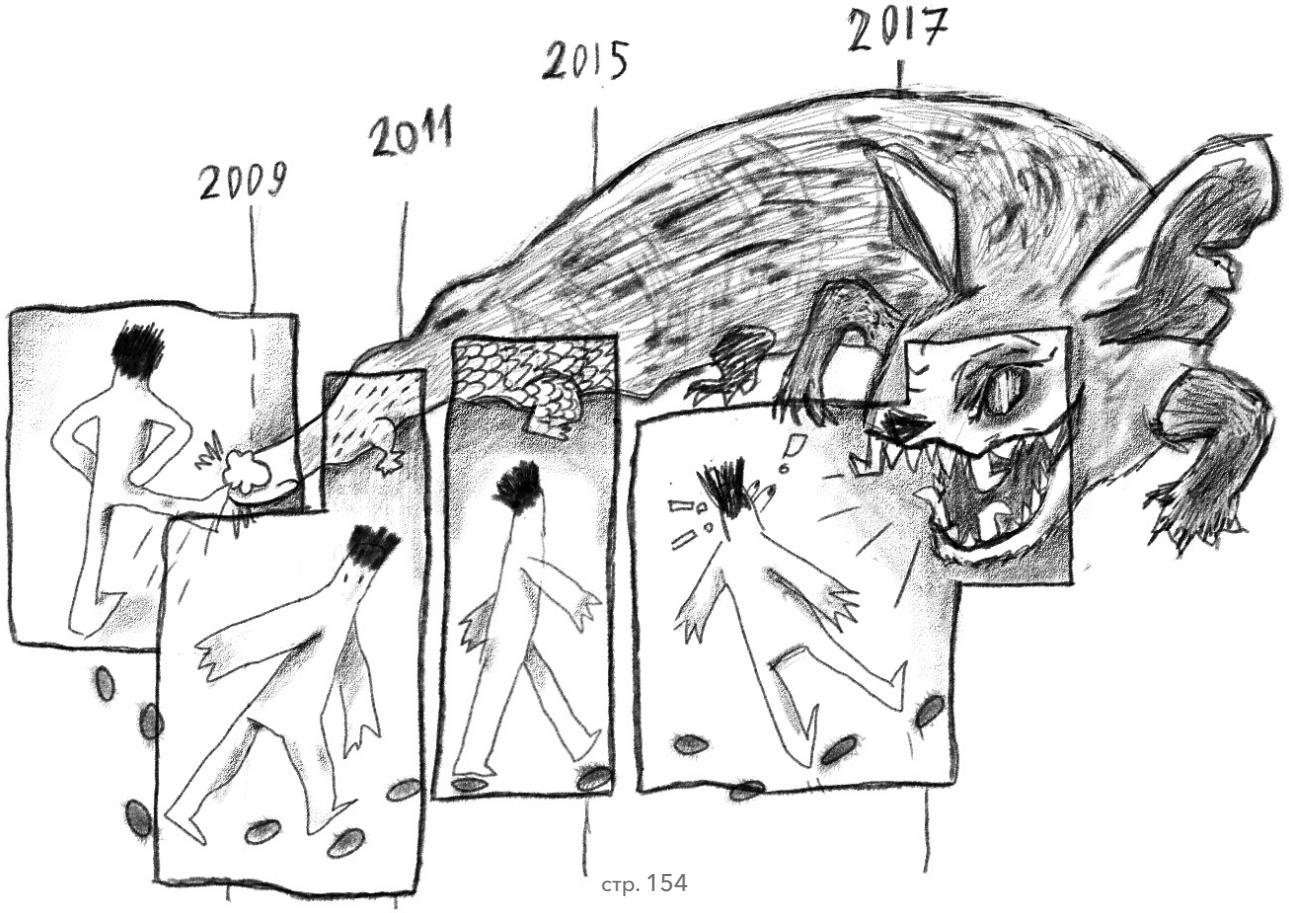
(связанных, в частности, с проблематикой концепций агентности). Раскрывая эти виды моральной удачи, я укажу на примеры и вопросы, которые, по мысли Нагеля, должны быть точками, в которых мы должны переосмыслить моральные оценки затронутых случаев.

Первый и главный вид — это *результирующая* удача (удача результата), которая имеет место в случаях, когда при одних и тех же намерениях и действиях индивида ему будут вменять различную степень моральной ответственности за его поступок в зависимости от того, насколько удачным или неудачным окажется результат этого поступка [Там же, 177–180].

Парадигмальным примером результирующей удачи является пример с неосторожным вождением [Нагель 2008, 178; Andre 1993; Athanassoulis 2005, 57–69; Hartman 2018]. Допустим, Грег, изрядно подвыпив на вечеринке, решает тем не менее сесть за руль своей машины и отправиться домой. Рассмотрим два возможных сценария развития дальнейших событий. Первый: Грег просто доезжает домой. Да, он может наутро осмыслить ситуацию и понять, что поступил дурно. Если он кому-то расскажет о своем поступке, то его могут осудить. Но, скорее всего, ни внутренняя, ни внешняя оценка поступка Грега не будет состоять в том, что тем вечером случилась трагедия.

Второй сценарий: по воле случая на перекресток, который Грег проезжает по дороге домой, выбегает ребенок, и Грег, не справившись с управлением в силу интоксикации, сбивает его, причем насмерть. Теперь это однозначно трагедия.

Кажется очевидным, что тяжесть морального проступка Грега в этих двух сценариях принципиально

различна: во втором случае будет уместным куда более серьезное его осуждение, чем в первом. Между тем поведение и намерения Грега в обоих случаях были совершенно одинаковыми: он сел за руль пьяным и, намереваясь доехать домой, поехал по одинаковому в обоих случаях маршруту. Единственное различие состоит в том, что в одном случае на перекресток, который он проезжал, выбежал ребенок, а в другом — нет. Но поведение ребенка находится за пределами контроля Грега. Значит, мера моральной ответственности Грега меняется в зависимости от того, что вне его контроля — появление ребенка на дороге. И это нарушает чрезвычайно важный и интуитивно верный принцип нашего морального мышления, принцип контроля, который гласит, что «человек морально ответственен только за то, что контролирует» [Нагель 2008, 175]. Нарушение этого принципа является центральной чертой всех случаев моральной удачи.

Второй вид моральной удачи — это *удача обстоятельств*. Она связана с тем, что все поступки, которые мы фактически совершаем, и, соответственно, все моральные решения, которые мы принимаем, в существенной степени обусловлены теми обстоятельствами, в которых мы оказались, при том что сами эти обстоятельства по большей части находятся вне нашего контроля [Там же, 177–180]. «Тот, кто был офицером в концлагере, мог бы прожить спокойную и безвредную жизнь, если бы нацисты не пришли к власти в Германии. А тот, кто прожил спокойную и безвредную жизнь в Аргентине, мог бы стать офицером в концлагере, если бы не уехал из Германии по делам в 1930 году» [Там же, 175]. И если разница между их поступками в конечном счете сводится к обстоятельству смены власти или удачной командировки (что находилось вне их контроля), то почему многие из нас не готовы осуждать второго немца с той же строгостью, что и первого [Нагель 2008; Latus 2019]?

Третьим видом моральной удачи Нагель называет *конститутивную удачу*. Философ обращает внимание, что то, кем является человек, — это также следствие удачи в плане воздействия социальной среды, образования, генов, характера и других независящих от человека факторов [Нагель 2008, 177]. В какой мере мы можем вообще вменять человеку моральную ответственность за его поступки, если все эти поступки обусловлены окружающей его средой и биологической природой, над которым он лишен полного контроля?

Четвертый вид моральной удачи — это *удача причин*. Совершённое агентом злодеяние может оказаться отдаленным последствием или прямым следствием предшествующих обстоятельств, над которыми он не имел контроля. В этом смысле его действие может быть рассмотрено как не-свободное, и в таком случае преступнику будет не справедливо вменять за него моральную ответственность. Впрочем, как отмечают критики, этот вид удачи может быть трудноотличим от конститутивной удачи и удачи обстоятельств [Nelkin 2019].

К ТЕМПОРАЛЬНОМУ ФАКТОРУ

Нагелевское понимание моральной удачи можно в итоге в целом суммировать следующим образом. Случай моральной удачи — это ситуация, когда мы можем полагать, что моральная ответственность конституирована (или моральная оценка сформулирована) под влиянием неподконтрольного агенту фактора Y, отсутствие или иное влияние которого при тех же действиях и намерениях обернулось бы другой степенью ответственности или иной оценкой.

В свете этого проблему настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: может ли в качестве Y выступать такой временно́й фактор, как изменение морали с течением времени?

Я полагаю, что уже исходя из общего определения моральной удачи, данного выше, можно отметить, что ни у кого нет контроля над тем, как и что меняется в морали со временем, а поэтому, поскольку эти изменения имеют моральное значение (кажется, что изменения в морали не могут не иметь морального значения), они являются фактором моральной удачи.

Влияние этого временно́го фактора можно обнаружить в случае удачи обстоятельств. В этой связи важным оказывается, например, то, оцениваем ли мы какое-то действие как то, что было в прошлом, что нужно сделать в будущем или что происходит в настоящем [Bykvist 2013, 553–556]. И очевидно, что в этом отношении нам может не повезти: то, что выглядит как

допустимое в настоящем или будущем действие, может впоследствии стать варварством из прошлого. Историческим примером такой перемены оценок может служить отношение к колониализму.

Определенную связь с изменением представлений о морали со временем, кажется, можно обнаружить и при размышлении над случаями конститутивной удачи. Так, в качестве результата действия моральной удачи могут рассматриваться в том числе желания и наклонности агента [Feinberg 1970, 34–38]. При этом желания и наклонности, сформировавшиеся в один момент времени и считающиеся в этот момент вполне морально допустимыми, могут перестать считаться таковыми в будущем.

Подобные случаи можно обобщить, сказав, что, чтобы фактор Y можно было считать темпоральным, по-видимому, должно соблюдаться следующее условие: результаты действия Z во временно́й точке X_1 должны иметь одни моральные последствия (моральную оценку поступка и величину возлагаемой на деятеля ответственности), а в точке X_2 — другие. Иными словами, имеющиеся результаты действия должны интерпретироваться из различных временны́х точек и получать в этих точках разные интерпретации. Не исключено, что существуют различные виды морально релевантных темпоральных факторов, однако в рамках данной статьи я ограничусь рассмотрением лишь фактора изменения представлений о морально допустимом с течением времени.

НЕУДАЧА ЛУИ СИ КЕЯ

Рассмотрим пример, в котором, как мне кажется, фактором Y выступает изменение представлений о морально допустимом со временем и, соответственно, изменение представлений о необходимых основаниях для постулирования моральной ответственности.

Вспомним сексуальный скандал, случившийся с комиком Луи Си Кеем в 2017-м году. В русских СМИ он по большей части фигурировал под заголовками в стиле «Пять женщин обвинили Луи Си Кея в харассменте/домогательствах»[1]. В ноябре 2017 года «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью, в которой рассказывалось о случаях неподобающего сексуального поведения комика. В 2002-м году комик позвал двух поклонниц и начинающих комиков в гримерку и, предварительно попросив на это их разрешения, мастурбировал перед ними. По словами самих женщин, рассказывавших об этом в 2017-м, они посчитали просьбу комика шуткой и отшутились в ответ, никак не ожидая, что он действительно станет это делать. В 2003-м коллега-комик Си Кея, позвонившая ему, чтобы пригласить на одно из своих шоу, услышала, что комик мастурбировал во время разговора по телефону. В 2005-м году Си Кей попросил у другой коллеги-комика разрешения помастурбировать перед ней и, получив отказ, не стал этого делать. Еще одна женщина рассказала о похожем случае поведения Си Кея в 90-х на условиях анонимности[2]. На следующий день после выхода статьи Си Кей признал, что всё рассказанное героинями статьи — правда, и принес извинения[3], хотя незадолго до этого он отрицал достоверность слухов, обвиняющих его в похожем поведении.

Результатом публикации этих свидетельств стал скандал: с комиком отказались работать FX, Netflix, HBO, были отменены его концерты и шоу, не состоялся показ снятого им фильма; кроме того, он подвергся публичному осуждению в медиасфере. В совокупности все это привело к тому, что на 2 года он прекратил свою публичную карьеру. Иными словами, эффект общественного осуждения на жизнь Си Кея был достаточно значительным.

Кажется, что вопрос о том, адекватна ли та степень осуждения, которой подвергся Си Кей, тем поступкам, которые он совершил, в высшей степени открыт

1. Смотри, например, новости от 10 ноября 2017 года: «Пять женщин обвинили стендап-комика Луи Си Кея в домогательствах» (заголовок материала на сайте rbc.ru), «Пять женщин обвинили комика Луи Си Кея в харассменте» (wonderzine.com), «Пять женщин обвинили в домогательствах стендап-комика Луи Си Кея» (interfax.ru) и т.д.
2. См. материал «Louis C.K. Is Accused by 5 Women of Sexual Misconduct» на сайте nytimes.com от 09.11.2017.
3. «Louis C.K. Responds to Accusations: ‘These Stories Are True’» (nytimes.com, 10.11.17).

для обсуждения. Сторонники той точки зрения, что реакция была непропорциональна проступкам, могут, помимо всего прочего, указывать на то, что на тяжесть осуждения комика оказал значительное влияние внешний фактор, над которым сам Си Кей не имел никакого контроля, — тот факт, что обвинения Си Кея прозвучали на фоне вайнштейн-гейта и активного изменения представлений о морально допустимом сексуальном поведении в американском обществе.

Попробуем разобраться в этом вопросе, обратившись к нашей формализации темпорального фактора моральной удачи. Будем считать, что на конец 2005-го года Си Кей уже совершил все поступки которые ему вменяли[4]. Это будет временна́я точка X_1. Временно́й точкой X_2 будет ноябрь 2017-го года, когда он подвергся осуждению. Как в момент X_1, так и в момент X_2 фактически имеется результат действий Z, за которые Си Кей подвергается осуждению.

Представим себе, что о поступках комика стало известно в 2005-м году и что, соответственно, осуждение Си Кея произошло не в X_2, а в X_1. Какова, предположительно, была бы общественная реакция в то время? Выглядели ли бы его поступки в тот момент как что-то, что имеет смысл характеризовать как «харассмент»? Или же они казались бы походящими скорее на сальную сцену из «Американского пирога», очередная часть которого вышла в том же году? Кажется весьма правдоподобным, что скорее второе и что в целом действия Си Кея в общественной дискуссии характеризовали бы скорее как «sexual misconduct», «неподобающее сексуальное поведение», — то есть как то, что является с точки зрения большинства людей нежелательным (сама неконвенциональная форма сексуального поведения Си Кея), но что не обязательно является юридически наказуемым, поскольку не имеет явного насильственного характера. Поступки комика, кажется, скорее похожи на форму эксгибиционизма, который не принято квалифицировать как харассмент[5].

Между X_1 и X_2 существует, судя по всему, весьма сильный разрыв в отношении к сексуальному поведению на грани дозволенного. С нулевых по десятые буквально каждый год выходят комедии вроде «Американского пирога», в которых грязные подкаты и странные сексуальные привычки — не исключая и

---

4. Фактически это может быть неверным, поскольку, как указано в статье NYT от 9 ноября, в комедийном сообществе США ходили слухи о куда более недавних случаях подобного поведения комика. Мы, однако, ограничимся датой, по поводу которой мы можем испытывать обоснованную уверенность.

5. Сравнение поведения Си Кея с эксгибиционизмом может вызвать определенную критику — в частности, мне могут указать, что оно упускает из виду важные для понимания его поступков особенности динамики власти между комиком и жертвами его поведения. Так, к примеру, одно дело схватить незнакомую женщину на тусовке за ягодицы и сказать, что вам за это ничего не будет, — это очень плохой поступок. Но куда хуже сделать то же самое по отношению к подчиненной на корпоративной вечеринке, будучи главным редактором издания, в котором она работает. В последнем случае женщина может обоснованно опасаться власти ведущего себя подобным образом: того, что в случае, если она выкажет свое неудовольствие ее уволят, будут препятствовать карьерному росту и т.д. Она в значительной степени лишена тех средств защиты, которые есть в подобной ситуации у незнакомой с распускающим руки редактором женщины.

Случай поведения Си Кея можно было бы представить как по существу аналогичный вышеизложенной ситуации, в которой женщина оказывается в особенно уязвимом положении перед лицом, имеющим над ней определенную власть. В пользу этой аналогии говорит то, что все перечисленные в статье NYT женщины были комиками и поклонницами Луи. Соответственно, будучи знаменитостью и крупной величиной в комедийной среде Америки, он имел над ними дополнительную власть, которая и делает его поведение в особенности неприемлемым и выходящим за рамки чего-то вроде эксгибиционизма.

На мой взгляд, однако, уравнивание поведения Си Кея и нашего воображаемого главного редактора в аспекте динамики власти не совсем правомерно. Комики являются коллегами явно не в том же смысле, в каком коллегами являются редактор и журналист его издания, но скорее в том, в каком коллегами являются, например, писатели или индивидуальные предприниматели. Соответственно, хотя динамика власти в отношениях Луи и героинь истории NYT определенно присутствует, это не динамика «подчиненный — руководитель», а скорее динамика «фанат — кумир». Что усложняет дело, ведь власть кумира не является формализованной и прямой — это что-то более размытое. Трудно понять, какая конкретно дополнительная угроза, аналогичная, например, угрозе увольнения, исходит от власти кумира. В отличие от власти руководителя, который имеет более-менее очевидный и ограниченный спектр вещей, на которые он может влиять, власть кумира и широта этой власти носят скорее потенциальный и гипотетический характер. На мой взгляд, разговор о динамике власти «фанат — кумир» — это очень зыбкая почва. Идея такой власти не противоречит здравому смыслу, но трудно достоверно понять, что считать ее проявлениями, а что нет.

такие виды сексуального поведения, которые можно в сегодняшней оптике понять как домогательства, — становятся поводом для шутки. Последний «Американский пирог» вышел в 2012-м, и есть ощущение, что у авторов были бы большие проблемы, попробуй они его выпустить в 2017-м в той же стилистике, с теми же темами для юмора, что и раньше. В целом кажется, что, если бы «Нью-Йорк Таймс» написали о неподобающем поведении комика в 2005-м, то последствием этого стало бы скорее что-то вроде высмеивания Си Кея в «Саус Парке» и подтрунивание над ним со стороны коллег-комиков. Ретроспективно кажется, что в 2005-м году действия комика конечно же воспринимались как некрасивые, но в большей мере допустимые с моральной точки зрения (или, быть может, лучше сказать: менее недопустимые).

Но вернемся к 2017-му году, нашей точке X_2. Что изменилось по сравнению с X_1? Начнем с того, что во всех более-менее респектабельных изданиях, описывающих случай Си Кея, и в том числе в изначальной статье в «Нью- Йорк Таймс» поведение комика все так же характеризуют как «sexual misconduct». Это влечет за собой вопрос: как получилось, что многим из нас этот случай известен как «харассмент Луи Си Кея»? Отчасти дело в том, что значительная часть русских медиа пишет не на уровне респектабельных изданий, а на уровне твиттера, где и фигурирует словосочетание «sexual harassment»[6]. Большие СМИ, каких бы взглядов они ни придерживались, понимают, что упоминание о «харассменте» Си Кея могло бы восприниматься как обвинение в преступлении и служить основанием для иска о клевете: юридически комику не было предъявлено никаких обвинений, и, по-видимому, никто из пострадавших и не хотел с ним именно судебного разбирательства.

Здесь нужно попробовать понять, а почему для большинства людей эти действия в 2017-м в большей степени похожи именно на харассмент и почему степень приписываемой в 2017-м году Си Кею моральной ответственности такова, что широкая общественность считает уместной санкцией его увольнение отовсюду и «отмену» его карьеры.

Надо отметить, что с нулевых в западном публичном пространстве, особенно в некоторых социальных медиа, возникла тенденция к расширению изначально юридически строго определенного понятия «sexual harassment», «сексуальное домогательство». Некоторые считают его юридическую трактовку несостоятельной, так как она не охватывает всех случаев поведения, которые, по их мнению, должны быть квалифицированы как домогательства. Отчасти речь идет о том, что есть такие виды «sexual misconduct», которые по своей сути или психологическим последствия для участников очень похожи или даже аналогичны «sexual harassment». Отчасти же подразумевается логика скользкой дорожки: сегодня кто-то, наделенный властью, совершает «misconduct», а завтра он уже переходит на «harassment», а поэтому первое должно быть столь же предосудительным, как и второе.

Ввиду этого некоторые случаи «sexual misconduct» начинают устойчиво называть «harassment», что как бы должно быть указанием на то, что за такой проступок должна следовать бóльшая моральная и — потенциально — юридическая ответственность. В связи с этим существует и активизм, который поддерживает вышеописанную тенденцию.

Важной точкой или даже катализатором развития тенденции к изменениям в понимании харассмента можно назвать Вайнштейн-гейт и связанный с ним эффект Вайнштейна, т.е волну в медиа, вызванную раскрытием серии домогательств и других аморальных поступков среди голливудских звезд осенью 2017 года[7]. В этот момент раскрываются вещи, которые действительно являются в юридическом смысле сексуальным домогательством (а в некоторых случаях, возможно, и изнасилованием), то есть преступлением, за которое

6. См., напр., ноябрьские твиты таких новостных агентств, как Chicago Tribune, Fast Company, Entertainment Tonight, IndieWire, Variety и др.

7. См. об этом подробнее в СМИ: «Harvey Weinstein effect: Men are getting outed and some are getting fired as women speak up. And it's spreading» (USA TODAY, 26.10.2017), «Why 'The Weinstein Effect' Seems Like A Tipping Point» (NPR, 04.11.2017) и др.

предусмотрена юридическая ответственность. Но вместе с ними на волне общественной дискуссии домогательством начинает называться и поведение, которое не может быть квалифицированно подобным образом с точки зрения американского законодательства, но должно быть квалифицировано именно так с точки зрения активистов. И когда через два месяца после разоблачения Вайнштейна вскрываются поступки Си Кея, то на фоне общественной дискуссии последние приобретают в общественном сознании черты первых, будучи уравнены с ними. В таком контексте вышеуказанная скользкая дорожка становится более убедительной для многих людей, которые обращают внимание не столько на твердые факты, сколько на то, как их интерпретируют в спонтанной общественной дискуссии.

Таким образом, можно сказать, что моральная неудача Си Кея состоит в том, что на дистанции между X_1 и X_2 представления о морально допустимом изменились так, что «sexual misconduct», который он совершил в 2005-м, начали считать куда более аморальным действием в 2017-м; для кого-то он даже стал эквивалентен «sexual harassment» — хотя и не юридически, но по смыслу и сути. То, как бы расценивался поступок Си Кея обществом и им самим, по-видимому, сильно зависит от того, в какой конкретно год в период с 2005 по 2017 этот поступок получил бы огласку. Могу предположить, что критичны в этом отношении могли бы быть даже малые временные интервалы — в частности, то, началось бы разоблачение до или после Вайнштейн-гейта.

Таким образом, на примере кейса Луи Си Кея можно понять значение, которое могут иметь изменения в представлениях о морали для оценки поступка и ответственности за него. Морально значимым оказывается то, в какой именно момент выносится моральная оценка и приписывается моральная ответственность. Изменения в морали имеют прямое влияние на моральную оценку действий агента. При этом сами эти изменения являются неподконтрольным для индивида фактором, который может сложиться для агента как удачно, так и неудачно: в этом отношении очевидна релевантность удачливости агента по отношению к временно́му фактору. В случае Си Кея события были организованы во времени неудачным для него образом.

НЕУДАЧА ДЖЕЙМСА ГАННА

Вернемся к случаю Джеймса Ганна, описанному в самом начале статьи. Я полагаю, что его тоже можно проанализировать через темпоральный фактор моральной удачи. Здесь мы также видим, что действие Z (шутки в твиттере) имело морально значимые последствия и в X_1 — в 2011 году, и в X_2 — в 2018. Неудачей для Ганна оказалось то, что поговорить о них решили именно в момент X_2, когда под влиянием пиццагейта[8] для американской общественности стала более морально недопустимой какая-либо, хоть даже ассоциативная связь работника Голливуда с тематикой педофилии.

То есть обвинения активистов по отношению к Ганну, весьма вероятно, имели бы разный эффект в зависимости от того, в какой именно момент периода с 2011-го по 2018-й они бы прозвучали. Полагаю, что это подтверждается тем, что некоторые из шуток Ганна были опубликованы им в тот момент, когда он уже был причастен к работе над первыми «Стражами галактики», дистрибуцией которых занимался Disney. Логично предположить, что в момент публикации этих шуток их видели многие из его коллег и поклонников, но в 2009–2014 годах никто не посчитал их настолько

8. «Пиццагейт» — это виральная конспирологическая теория, которая якобы разоблачала влиятельных сторонников американской демократической партии в участии в тайной организации преступников-педофилов. Как мне видится, она довольно быстро приобрела статус зонтичного термина и мема, а поэтому нашла отклик у более широких масс, нежели изначальная аудитория конспирологов альт-райтов. Вплоть до того, что, несмотря на масштабную критику этой теории заговора, популярным социальным сетям приходилось подавлять ее распространение. Визитная карточка этой теории — это эмодзи пиццы, который используют как своеобразную черную метку для знаменитостей. Делают это и конспирологи, и тролли, и даже простые пользователи, для которых это просто мем. Например, недавняя конспирология вокруг тик-тока Бритни Спирс и странного человека на фоне фото Дженифер Лопес также активно связывалась с «пиццагейтом». Настолько, что, как указывает Нью-Йорк Таймс, с лета 2020-го поисковой запрос «пиццагейт» вновь начал обретать популярность, сравнимую с пиковой (см. «'PizzaGate' Conspiracy Theory Thrives Anew in the TikTok Era», nytimes.com от 26.07.2020).

недопустимыми, чтобы выдвинуть вопрос об отстранении режиссера от работы над фильмом. Более того, даже его недоброжелатели не посчитали, что тогда его можно было в чем-то обвинить, хотя «сетап» для обвинения уже был готов.

Есть еще несколько поразительных сходств ситуаций Ганна и Си Кея. Оба скандала раскрутили активисты примерно в одно и то же время, только историю с режиссером начали правые активисты, а историю с Си Кеем — левые. При этом ни Ганна, ни Си Кея не осудили юридически за то, в чем их активно осуждало общественное мнение (домогательство — с одной стороны, и педофилия или аморальный юмор — с другой), но они понесли репутационные и финансовые издержки в очень похожих формах. Наконец, оба выразили то, что Уильямс назвал бы чувством «сожалением деятеля» (agent-regret). По его мысли, это чувство возникает в ситуации, когда несомненна каузальная, но не моральная вина агента: оно характерно для ситуации моральной неудачи, отличает ее от намеренного нарушения норм и может выражаться в виде раскаяния в содеянном [Williams 1981, 27–39]. И Ганн, и Си Кей признали сегодняшнюю аморальность своих действий, отметили, что при их совершении не могли представить себе такого результата, и, конечно же, выразили раскаяние в этих поступках.

МОРАЛЬНАЯ УДАЧА И ПРИРОДА МОРАЛИ

Стоит отдельно отметить ограничения вышеизложенного представления о моральной удаче, зависящей от темпоральных факторов. Можно заметить, что оно предполагает верность некой формы морального субъективизма: для того, чтобы изменения со временем в распространенных в обществе моральных представлениях можно было считать фактором моральной удачи, сами эти представления должны быть отождествлены с моралью как таковой. Иными словами, мы должны согласиться, что не существует моральных норм за пределами тех норм, которые считаются моральными в некотором обществе в некоторый момент, и что верная моральная оценка поступка будет представлять собой функцию от превалирующих в данное время в данном обществе индивидуальных моральных оценок.

Верно, как кажется, и обратное: принятие морального субъективизма ведет к обращению к моральной удаче как к одному из возможных (на мой взгляд, наиболее удачному) средств объяснения описанных выше ситуаций. Действительно, с точки зрения морального объективизма, постулирующего существование объективно правильных и независимых от распространенных в той или иной среде представлений о морали моральных оценок, можно сказать, что в вышеизложенных случаях имеет место одна объективно верная моральная оценка поступка (Си Кея или Ганна) и различные превалирующие в обществе в разное время субъективные моральные оценки. Например, действия Луи были объективно одинаково неправильными и в 2005, и в 2017 году, и тот факт, что их субъективная оценка обществом была (или могла бы быть) различна в этих двух темпоральных точках, объясняется тем, что в одном из случаев она просто была ошибочна (или, возможно, она была ошибочна в обоих случаях, и до правильной оценки общественное моральное сознание еще не дошло). В таком случае можно сказать, что в приведенных примерах мы имеем дело не с моральной удачей per se, а с чем-то вроде удачи моральной психологии: речь не о том, как поменялось реальное моральное значение (moral value) поступка (оно осталось неизменным), а о том, как поменялась его превалирующая моральная оценка (moral evaluation).

Несмотря на то, что значительная часть влиятельных моральных теорий (утилитаризм, кантианство, контрактуализм и пр.) являются именно объективистскими, сам я в вопросе о природе морали склоняюсь именно к субъективизму. Я также полагаю, что рассуждения о моральной удаче в целом предполагают скорее субъективистский взгляд на мораль, так как сама эта проблема формулируется в противовес объективистской этике Канта. Как бы то ни было, в рамках данной статьи у меня нет возможности погружаться в обсуждение этого сложного вопроса подробнее.

Впрочем, стоит заметить, что даже если объективистский взгляд на мораль верен, то случаи, подобные описанным выше, сохраняют свою важность для нашей жизни. Если и не моральную, то психологическую, социальную или, возможно, экзистенциальную, что

делает демонстрируемую выше проблему достойной обдумывания даже в таком случае.

ОБРАТНАЯ СИЛА МОРАЛИ

Прежде чем перейти к выводу, я хочу обратить внимание на любопытную параллель в сфере юриспруденции. Международное законодательство регулирует обратную силу закона так, что человек не может быть осужден за действия, которые в момент их совершения не были преступными. На мой взгляд, в этом можно усмотреть профилактику случаев, подобных случаям моральной удачи, завязанной на темпоральном факторе, то есть случаев, когда человеку не повезло, что изменения в законе привели к криминализации некоторых его прошлых поступков.

Мораль, в отличие от закона, очевидно, имеет обратную силу — практика моральной жизни ясно указывает на этот факт. Однако вопрос о том, обстоит ли так дело фактически, отличен от вопроса о том, справедливо ли это. Если отстаиваемый в данной статье тезис верен, то применение обратной силы морали может создавать случаи моральной удачи, связанной с темпоральными факторами. Моральному агенту в этих случаях на момент совершения им поступков недоступно знание о том, что некоторые из них в будущем сменят моральный окрас. Сами изменения в морали, приводящие к этому, находится вне его контроля, как и то, найдется ли кто-то, кто оценит его былые действия в свете новых представлений о морально допустимом, и найдет ли такая оценка поддержку со стороны других людей. Наличие у морали обратной силы и возложение на попавшего в ситуацию моральной неудачи всей тяжести морального осуждения может обоснованно показаться несправедливым. В этом отношении довод «тогда были другие нравы» может выступать не беспомощным оправданием, но вполне весомым аргументом.

***

Ни для кого не секрет, что наши действия совершаются во времени и что результаты наших решений и поступков могут проявиться не сразу. Однако в дискуссиях о моральной ответственности редко учитывается то обстоятельство, что этого времени порой может быть достаточно, чтобы общепринятые представления о морали и, соответственно, моральная оценка этих действий и результатов существенно поменялась. Изменения в морали и представлениях о ней неподвластны агенту и могут стать для него фактором моральной удачи или неудачи: те решения и действия агента, которые совершались в условиях одних общепринятых моральных норм, могут по независящим от него причинам обрести иное моральное значение в условиях произошедших изменений в самих моральных нормах. Данный фактор, по всей видимости, несводим к описанным Нагелем четырем видам моральной удачи и может играть самостоятельную роль. Принятие его в расчет, таким образом, представляется важным для корректной моральной оценки поступков.

Как отмечал сам Нагель, под воздействием удачи этика подвергается эрозии [Нагель 2008, 176]. Некоторые даже считают, что чем больше влияний удачи мы обнаруживаем, тем ближе оказываемся к моральному нигилизму. Это ведет к представлению, что моральная удача исключает возможность приписывания моральной ответственности [Levy 2011; Russel 2017, 26–27].

Тем не менее Нагель не позиционирует себя как морального нигилиста. Признание существования моральной удачи — это повод не для того, чтобы снимать ответственность за действия, а для того, чтобы учитывать ее как один из важных факторов при вынесении моральной оценки. Мне кажется, в этой позиции Нагеля имплицитно содержится мысль о том, что признание существования моральной удачи приводит к корректировке наших естественных моральных оценок и нюансированию моральных интуиций. В этом свете выявление новых факторов моральной удачи служит не движению к моральному нигилизму, но, напротив, формированию более развитого морального мышления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Andre 1993 — Andre J. Nagel, Williams, and Moral Luck // D. Statman (ed.). Moral Luck. Albany: State University of New York Press, 1993. P. 123–131.
2. Athanassoulis 2005 — Athanassoulis N. Morality, Moral Luck and Responsibility: Fortune's Web. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
3. Broncano-Berrocal 2015 — Broncano-Berrocal F. Luck as Risk and the Lack of Control Account of Luck // Metaphilosophy. 2015. Vol. 46. № 1. P. 1–25.
4. Bykvist 2013 — Bykvist K. Time and Morality // H. Dyke and A. Bardon (eds.). A Companion to the Philosophy of Time. Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 2013. P. 549–562.
5. Chernyak 2009 — Chernyak A.Z. Moral Luck // Logos. 2009. №2 (70). C. 151–173. (In Russian.)
6. Devettere 2002 — Devettere R.J. Introduction to Virtue Ethics: Insights of the Ancient Greeks. Washington, D.C: Georgetown University Press, 2002.
7. Feinberg 1970 — Feinberg J. Doing and Deserving: Essays in the Theory of Responsibility. Princeton: Princeton University Press, 1970.
8. Hartman 2018 — Hartman R. Moral Luck and the Unfairness of Morality // Philosophical Studies. 2019. Vol. 176. № 12. P. 3179–3197.
9. Latus 2019 — Latus A. Thomas Nagel and Bernard Williams on Moral Luck // I. Church and R. Hartman (eds.). The Routledge Handbook of the Philosophy and Psychology of Luck. New York: Routledge, 2019. P. 105–112.
10. Levy 2011 — Levy N. Hard Luck: How Luck Undermines Free Will and Moral Responsibility. Oxford: Oxford University Press, 2011.
11. Russel 2017 — Russel P. Free Will Pessimism // D. Shoemaker (ed.), Oxford Studies in Agency and Responsibility, Volume 4. New York: Oxford University Press, 2017. P. 93–120.
12. Williams and Nagel 1976 — Williams B.A.O. and Nagel T. Moral Luck // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1976. Vol. 50. P. 115–135 + 137–151.
13. Williams 1981 — Williams B. Moral Luck: Philosophical Papers 1973–1980. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
14. Нагель 2008 — Нагель Т. Моральная удача // Логос. 2008. №1 (64). С. 174–187.
15. Черняк 2009 — Черняк А. Моральная удача // Логос. 2009. №2 (70). С. 151–173.